

Мы ждем перемен — 2

Почему и как формируется спрос на радикальные изменения

ДЕНИС ВОЛКОВ, АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

В августе 2017 года мы провели исследование, целью которого было выяснить, насколько граждане страны готовы к переменам. Тогда 42% россиян выступили за решительные и полномасштабные перемены, почти столько же (41%) высказались за незначительные изменения и постепенное улучшение текущей ситуации¹. На радикальных реформах, как правило, настаивали малоимущие слои населения. Продвинутые социальные страты в большей степени хотели бы постепенных изменений. Молодежь до 25 лет — возрастная группа, которая в наименьшей степени стремилась к решительным переменам.

Четких представлений о том, какие конкретные шаги необходимы для улучшения ситуации, у большинства населения не было. В обществе доминировали самые общие пожелания: чтобы уровень жизни и ее качество были повышены. Запрос на более активное государственное регулирование указывал не столько на патерналистские настроения (хотя и они присуши

большинству социальных групп), сколько на неудовлетворенность текущим положением дел при полном непонимании, куда двигаться дальше.

Как раз два года назад наиболее внятно прозвучало мнение, что настала пора переключить внимание с внешней политики на внутреннюю. Россия уже стала *great again*, пришла пора заняться внутриэкономической и социальной повесткой. В большинстве своем граждане не знали, кто может предложить осмысленный план перемен, и по привычке называли в качестве потенциальных модернизаторов Путина и политиков, участвующих в федеральных выборах.

В мае 2018 года, вскоре после президентских выборов, Левада-Центр уже вне рамок нашего исследования повторил ключевой вопрос о том, каких перемен — радикальных или умеренных — хотят респонденты. Решительных перемен хотели бы уже 57% респондентов; 15 процентных пунктов роста — это серьезно. Сторонников постепенных из-

менений стало меньше — 25% (в августе 2017 года 41%)².

Президентские выборы не то чтобы сформировали завышенные ожидания. Однако, перейдя рубеж выборов (весьма механически, при автоматическом голосовании конформистского крымского большинства за Путина как за символ нации), люди стали связывать с новым политическим циклом надежды на перемены. Власть это тоже ощущала, но при отсутствии четкой стратегии и целеполагания в рамках какой-либо политики — внутренней, внешней, экономической — предложила публике невнятную идею «прорыва», непонятно куда и неясно зачем.

Пенсионная реформа, затухание мобилизационного эффекта крымско-антизападной и милитаристской риторики, растущий скепсис по поводу начинаний властей в социально-экономической сфере (после пенсионной реформы национальные проекты как основной инструмент экономической политики не вызвали никакого энтузиазма) — все это обвалило рейтинги власти. Впоследствии они зафиксировались на более низком плато³.

Протестное голосование на выборах разных уровней в сентябре 2018 года лишь закрепило представление о том, что запрос на перемены — пусть абстрактный, нечеткий и, скорее, популистского свойства — существует. В ответ на унижение со стороны властей (стройки без совета с гражданами, исключение из избирательного процесса настоящей, не имитационной оппозиции, необоснованные репрессии) происходит очевидное пробуждение гражданского общества, «революция достоинства» превращается в перманентный процесс. Казалось бы, на этом фоне неизбежны перемены, включая изменения в политической сфере или хотя бы в области коммуникации власти и граждан. Однако полицейский произвол лишь укрепил линию власти на отказ от диалога с гражданским обществом и от демократизации политической системы. Фактически началась открытая гражданская война: авторитарный режим, продолжая тактику

усиления пропаганды и кооптации отдельных представителей гражданского общества во власть, перешел к более интенсивным репрессиям.

Дальнейшая экспансия государства в экономике и отсутствие структурных реформ погасили надежды системных либералов на авторитарную модернизацию. Система если и готова реализовывать модернизационные усилия, то исключительно в рамках технократических проектов, например в области цифровизации (наше недавнее исследование, основанное на углубленных интервью с экспертами — участниками селекции управленческих кадров и бизнесменов, показало, что элиты не верят в перемены, инициированные государством⁴).

На этом фоне логично было бы предположить, что несколько абстрактные, но настойчивые требования перемен лишь усилятся. В июле 2019 года мы провели всероссийский опрос (1600 человек), в котором повторили ряд вопросов двухлетней давности, чтобы посмотреть данные в динамике, и задали несколько новых уточняющих вопросов. Полученные результаты подтвердили высказанное предположение.

КТО ХОЧЕТ ПЕРЕМЕН

Проведенный нами опрос показал, что перемен желают все больше людей. Выросло число и сторонников радикальных изменений, и тех, кто поддерживает идею постепенной трансформации системы.

Радикальных перемен больше всего хотят:

- респонденты возрастной категории 40–54 года (63%), то есть люди, которые в скором времени будут входить в предпенсионный возраст, недовольные, в частности, пенсионной реформой и не слишком уверенно чувствующие себя на рынке труда;
- респонденты с высшим образованием (62%);

- респонденты с низким потребительским статусом, которым едва хватает на еду (66%);
- средние города (60%), но не Москва, которая дает 54%;
- критики нынешнего режима — те, кто не одобряет деятельность Владимира Путина и не хочет его переизбрания на следующий президентский срок в 2024 году (у них самый высокий показатель — 80%).

Рис. 1. Мнение россиян о необходимости перемен⁵

Нарастающее требование перемен проявилось и в ответах на вопрос о том, кто в нашей стране прежде всего заинтересован в изменениях. По мнению респондентов, это в первую очередь следующие пять групп: молодежь, малоимущие слои населения, пенсионеры, средний класс и бюджетники. По всем этим категориям за прошедшие два года наметился рост в 6–8 п. п.

Перемены нужны, во-первых, тем, кто работает: людям, составляющим основу общества и экономики, — среднему классу и предпринимателям. Во-вторых — тем, у кого положение (личное, социально-экономическое) неважное или безнадежное: бюджетникам, пенсионерам, малоимущим слоям.

Наконец, в переменах нуждается молодежь, которая, как считают респонденты, должна стремиться к чему-то новому. Сама молодежь, судя по результатам опроса, эту точку зрения разделяет.

Что касается лидеров «антирейтинга» — респондентов, которым перемены не нужны, то это прежде всего граждане, у которых образование ниже среднего, люди старше 55 лет, вероятно, проявляющие возрастной консерватизм в логике «как бы не было хуже», и москвичи (18%!). Можно предположить, что степень удовлетворенности уровнем и качеством жизни в Москве достаточно высокая, поэтому жители столицы не очень хотели бы что-то

менять. Последние цифры еще раз подтверждают расхожее, но верное представление о том, что Москва — еще не вся Россия.

КАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ НУЖНЫ

На открытый вопрос о том, что именно следует изменить в первую очередь, наши респонденты указывали на необходимость повышения зарплат, пенсий, общее повышение уровня жизни в стране. Это око-

ло четверти всех ответов. С подобного рода требованиями перекликаются довольно распространенные пожелания снизить высокие платежи в сфере ЖКХ, контролировать цены на лекарства, продукты, предметы первой необходимости (11%). Почти столько же респондентов считают первостепенными борьбу с коррупцией (10%) и необходимость облегчить доступ к медицине (9%; по словам респондентов, к врачам становится все труднее попасть, нужно либо долго сидеть в очередях, либо платить за прием).

Что нужно изменить в первую очередь, ТОП-15 (открытый вопрос)

Рис. 2. Представления населения о том, что требуется изменить в первую очередь⁶

В целом большинство прозвучавших пожеланий так или иначе связано с необходимостью решать социально-экономические проблемы. Это та самая повестка, которая особенно заметно проявила себя, после того как граждане страны оценили задачу восстановления престижа и величия России как решенную. Россия уже стала «великой», пришла пора сосредоточить-

ся на внутренних проблемах: этот тренд мы зафиксировали еще в первой фазе нашего исследования летом 2017 года.

От власти ждут, что она будет «повышать пенсии», «сдерживать цены», «поднимать экономику», перераспределять доходы бюджета в пользу малоимущих.

По мнению респондентов, это и есть «изменение отношения к людям» со стороны государства. Подобного рода представления о роли государства вполне патерналистские, но рациональные (это было отмечено в предыдущих наших исследованиях), особенно если учитывать неблестящее состояние экономики России и обещания власти поддерживать должный уровень социального обеспечения. В ответах респондентов проявляются проблемы относительно бедного российского населения. Респонденты не концен-

трируются на том, что именно и как нужно делать, чтобы наступили положительные изменения. Люди скорее говорят о том, что они хотели бы получить «на выходе», нежели о том, как этого добиться.

Похожую картину дают ответы на вопрос, в котором респондентам предлагалось расставить приоритеты в закрытом списке различных мер государственной политики. Здесь на первое место выходят меры по борьбе с инфляцией — этого хотела бы

Приоритеты государственной политики (закрытый список)

Рис. 3. Представления населения о приоритетах государственной политики ⁷

примерно половина опрошенных. Около 40% выступают за повышение качества медицинского обслуживания и услуг ЖКХ.

Как и в открытом вопросе, различные меры по демократизации политической системы набирают меньшее количество голосов. Не более 10% назвали

в числе приоритетов обеспечение свободных и честных выборов, независимости судов; расширение демократических прав и свобод. В первую очередь этого хотели бы самые молодые, самые образованные и жители крупнейших городов, то есть наиболее модернизированные слои населения. Но и здесь такие меры отмечаются как необходимые лишь в полтора

раза чаще, чем в среднем по выборке, то есть набирают не более 15%.

Ответы на оба вопроса естественным образом перекликаются с представлениями людей о наиболее острых социальных проблемах. На протяжении последних двадцати лет участники регулярных социологических измерений неизменно указывали на два предмета беспокойства: рост цен (59% в августе 2019 года) и общую бедность населения (42% тогда же), хотя в последние годы острота этих двух проблем постепенно снижается⁸. Обеспокоенность коррупцией сегодня достигает максимальных значений за все время измерений. По мере того как нарастают экономические проблемы и падает авторитет власти,

претензии к истеблишменту становятся все более артикулированными. Роскошь, которой окружили себя чиновники, сотрудники госкорпораций, пресловутое «окружение президента», начинает раздражать все большее число людей.

Стабильно острыми проблемами, по мнению россиян, остаются рост безработицы, доступ к медицинскому обслуживанию, расслоение на бедных и богатых, а также плохая экологическая обстановка. В последнее время экологические проблемы в России все чаще начинают переплетаться в сознании россиян с экономическими и социальными. Симптоматична в этом смысле проблема переработки отходов, символами которой стали конфлик-

Самые острые проблемы (август 2019)

Рис. 4. Представления населения о наиболее острых проблемах⁹

ты вокруг свалок в Подмоскowie и архангельского мусорного полигона на станции Шиес. В одной точке соединяются беспокойство людей по поводу загрязнения окружающей среды, недовольство распределением дорогостоящих заказов на переработку мусора среди одиозных представителей российской элиты, а также шок наименее обеспеченных слоев населения от многократного повышения тарифов на вывоз мусора.

ТРЕБОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Характерно, что в нашем исследовании (в отличие от 2017 года, когда задавался похожий открытый вопрос о приоритетах изменений) пожелания смены правительства, Думы, отставки премьер-министра и даже президента звучали довольно отчетливо. Все вместе они собрали 13% ответов на упоминавшийся открытый вопрос и оказались на втором месте среди других вариантов. Это однозначный индикатор тех изменений, которые произошли в общественных настроениях всего за два года. После принятия несправедливой, по мнению большинства населения, пенсионной реформы и на фоне продолжающегося падения реальных доходов претензии к российской власти звучат сегодня все чаще и громче¹⁰.

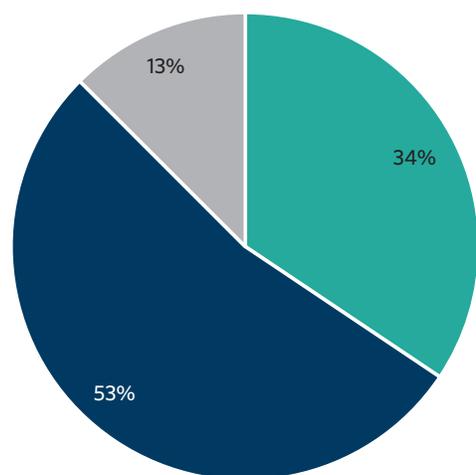

Рис. 5. Представления населения об условиях перемен¹¹

Более того, когда респондентам была предложена альтернатива, более половины согласились с тем, что перемены в нашей стране возможны «только при условии серьезных изменений политической системы». Лишь треть опрошенных выбрала вариант перемен «в рамках нынешней политической системы». Подобное распределение не говорит о полной готовности людей к смене власти. Однако оно означает, что внутри общества продолжает нарастать недовольство положением дел в стране. И эти настроения все чаще будут прорываться наружу, в том числе в виде различных протестных акций.

Нарастающее общественное напряжение отражается во многих ответах респондентов. Например, в ответах на вопрос о том, кто в нашей стране больше всего не заинтересован в переменах, за минувшие два года произошел заметный рост по следующим трем категориям:

- чиновники и бюрократия (с 56 до 69%),
- олигархи и большой бизнес (с 52 до 67%),
- Владимир Путин и его окружение (с 15 до 25%).

Недовольство российского общества концентрируется сегодня главным образом на чиновниках

Перемены в нашей стране возможны...

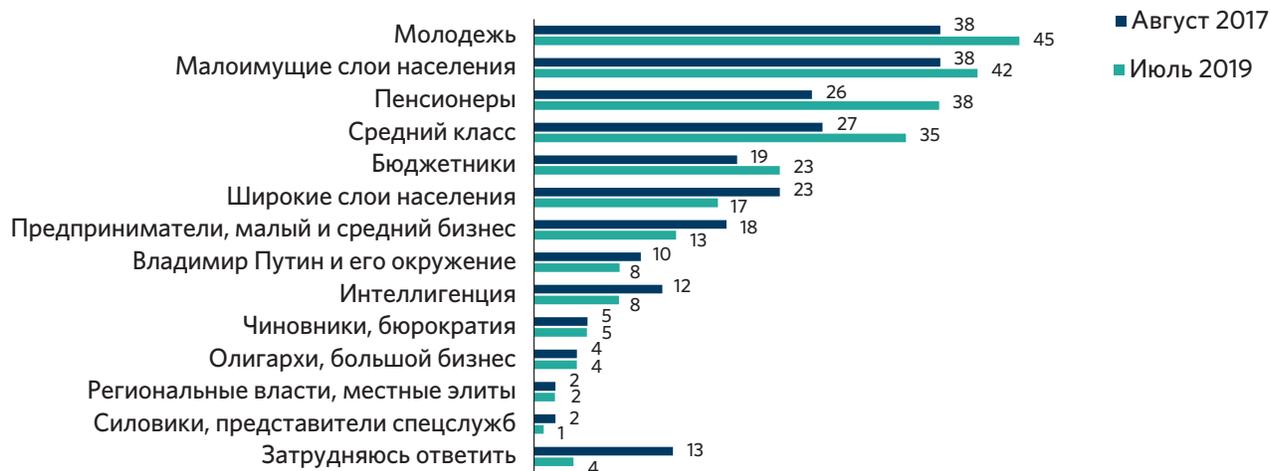
- ...в рамках существующей политической системы
- ...только при условии серьезных изменений политической системы
- Затрудняюсь ответить

и большом бизнесе: по мнению респондентов, они находятся в привилегированном положении и не разделяют с обычными людьми тяготы экономической ситуации. Напротив, по общему убеждению, они продолжают обогащаться именно за счет насе-

ления, в то время как большинство людей живут все хуже и хуже.

Владимир Путин, как мы видим, тоже постепенно — и заметным образом! — перемещается в фокус обще-

Кто больше всего хочет перемен

Кто больше всего не хочет перемен

Рис. 6. Представления населения о том, кто хочет и кто не хочет перемен в России¹²

ственного недовольства. И хотя механизм разгрузки первого лица от ответственности продолжает частично работать, а винят в проблемах прежде всего бюрократию, премьера, отдельных министров, олигархов, — все чаще прямые претензии начинают звучать и в адрес президента, он встает в один ряд с другими представителями власти.

Это очень важное изменение. После инкорпорации Крыма Путин долгие годы оставался символом и флагом страны, своего рода политическим богом. Но после 2018 года его «божественная» сущность стала уменьшаться в размерах, ее стал вытеснять живой человек, который не очень нравится населению. Это уже не бог, а полубог, у которого есть и человеческая составляющая. И чем она больше, тем ниже рейтинги Путина (электоральный, доверия и одобрения деятельности).

КТО МОЖЕТ ПРЕДЛОЖИТЬ ПЛАН ПЕРЕМЕН

По сравнению с исследованием двухгодичной давности снизилось число респондентов, которые считают, что никто из политиков не может предложить план перемен. Но уменьшилось оно в первую очередь за счет увеличения числа затруднившихся с ответом.

Владимир Путин по-прежнему возглавляет список политиков-модернизаторов, но скорее по инерции: его рейтинг как человека, способного изменить ситуацию в стране к лучшему, испытывает заметную эрозию. За Путиным с большим отрывом следуют два лидера парламентской системной оппозиции — Владимир Жириновский и Геннадий Зюганов. Вплотную к ним приблизился Павел Грудинин — политик, завоевавший симпатии части россиян в 2017–2018 годах. Тогда он стал кандидатом в президенты от коммунистов, заняв нишу нового политического лица и популиста, которая в иной ситуации могла бы принадлежать Алексею Навальному. Сам же Навальный замыкает пятерку лидеров вместе с самым популярным членом правительства, министром обороны Сергеем Шойгу — у них равное число голосов.

Как и в исследовании 2017 года, этот список напоминает «турнирную таблицу» политиков, пользующихся доверием россиян. Однако за два года он претерпел заметные изменения. На его состав и итоговые места повлияли события последнего времени: продолжающееся падение уровня жизни, отраженное в упомянутых списках острых социальных проблем и приоритетов для правительства; пенсионная реформа и летние протесты в Москве в поддержку независимых политиков, не допущенных властями на выборы в Мосгордуму.

Очевидным образом снижается авторитет официальных властных фигур. За два года в этом рейтинге Владимир Путин потерял 9%, сдали позиции Сергей Шойгу, Дмитрий Медведев, Сергей Лавров. Оппозиционные политики, напротив, немного укрепили свои позиции, среди них появились новые фигуры. Вместе с Павлом Грудининым в первую десятку вошел один из лидеров московских протестов, оппозиционный политик Илья Яшин: он набрал очки прежде всего за счет респондентов-москвичей. Если власть и дальше будет наращивать репрессивность своих действий против оппозиции, популярность выталкиваемых из легального поля политиков станет только расти, а возможно, на нем появятся и новые конкурентные фигуры. Спрос на новые лица и альтернативные если не программы, то хотя бы слова становится все более заметным.

В Москве, где политическая жизнь более насыщенная, а информационное поле плотнее, граждане оказываются в большей степени ангажированы политически: люди обнаруживают способность назвать имена политиков, среди которых все чаще оказываются независимые фигуры (то же самое происходит на фокус-группах).

Так, сразу после имени Владимира Путина москвичи называют Алексея Навального (второе место в Москве вместе с Геннадием Зюгановым; сопоставимые показатели у Павла Грудинина и Владимира Жириновского). Илья Яшин — оппозиционный

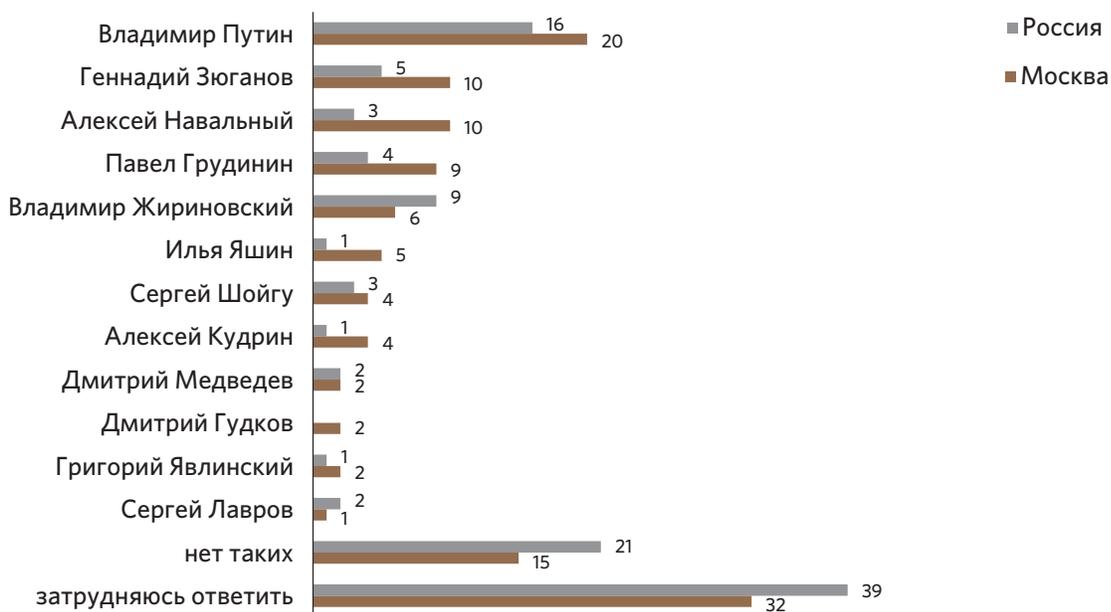
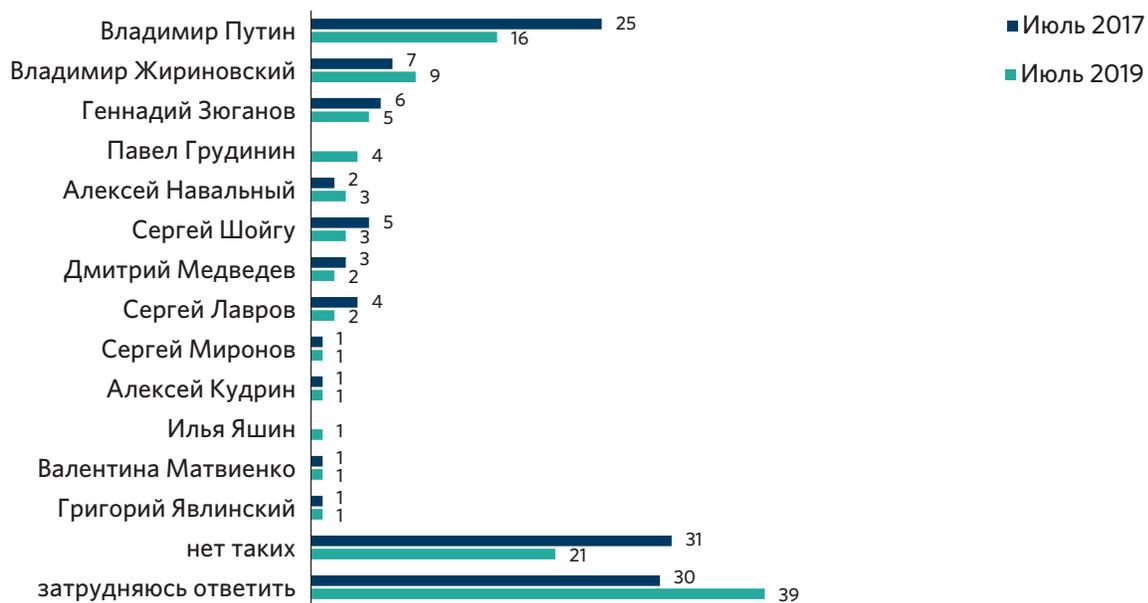

Рис. 7. Представления населения о политиках, способных предложить привлекательный план перемен¹³

политик, глава муниципального собрания Красносельского района столицы и один из самых ярких лидеров московских протестов — оказался в столице на четвертом месте, и это очевидное следствие событий минувшего лета. Алексей Кудрин — на шестом. В десятку московских лидеров также попал еще один молодой оппозиционный политик, проявивший себя на московских муниципальных выборах 2017 года, а также во время летних протестов 2019 года, — Дмитрий Гудков.

Казалось бы, столь разнообразное меню противоречит тому, что в целом москвичи довольны ситуацией в столице. Но здесь очевидна разница между оценкой уровня и качества жизни в Москве и проявляющимся недовольством общим положением дел в стране. Москвичи смелее и активнее ищут альтернативные фигуры, ситуация в столице оказывается гораздо более поляризованной, чем в целом по стране.

ЧЕЙ ОПЫТ ПРИВЛЕКАТЕЛЕН

Тестируя представления россиян о странах, чей опыт может служить образцом для России, мы предложили респондентам закрытый список государств, вопло-

щающих мифологию «правильного» и «неправильного» развития. Впрочем, на первое место ожидаемо вышел «свой собственный опыт». В наименьшей степени такой вариант привлекает молодежь до 25 лет и жителей городов с населением более полумиллиона (но не Москвы). За «свой опыт» прежде всего стоят респонденты с образованием ниже среднего; те, кому хватает денег только на еду; люди возрастной категории 40–54 лет — то есть те, кто, как правило, выражает недовольство текущим положением дел. Возможно, под «своим опытом» они понимают советские практики управления.

Тройка стран-лидеров, способных служить образцами для подражания, — Китай, Белоруссия и Германия. Китай воплощает любимый российский миф, альтернативный путь, о котором политики говорят много лет: сильное авторитарное государство с быстроразвивающейся экономикой, входящее сегодня, по мнению россиян, в тройку супердержав наряду с Россией и США. При этом нарушения прав граждан, ограничение свобод, цензурирование СМИ и Интернета в Китае находятся, по-видимому, за пределами сознания российского обывателя и имеют значение только для наиболее образованной прослойки

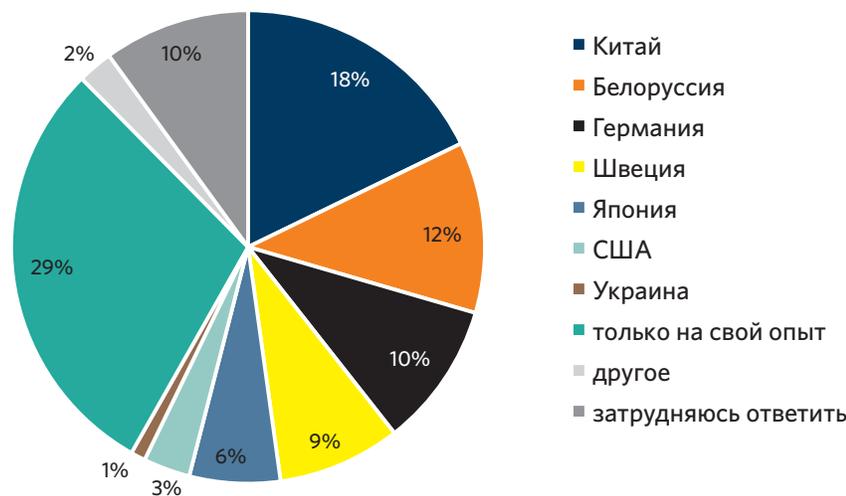

Рис. 8. Представления населения о странах, на которые России следует ориентироваться¹⁴

российского общества. Не последнюю роль для среднего россиянина играет и то, что дружба с Китаем возведена сегодня в ранг государственной политики. Лидеры России и Китая регулярно встречаются и обмениваются комплиментами.

Белоруссия — это, в сущности, «мы», но какие-то такие правильные, не поступившиеся принципами, «экологически чистые», как белорусские продукты, образец социально ориентированной страны с сильным государственным регулированием.

Германия — еще более старый, чем китайский, миф о порядке, дисциплине, качестве, добропорядочном бюргерстве. Даже несмотря на то, что мы «можем повторить»: Германия исторически является поверженным противником, который тем не менее с годами обошел нас по уровню жизни. В представлении людей эта страна — главная в Европе, самая богатая и экономически развитая. В Германии, по словам участников фокус-групп, «всё для людей». Более того, она не воспринимается как военная угроза России.

Жалкие остатки шведского и японского мифов уже не очень работают, хотя шведская модель нравится образованным, обеспеченным и москвичам.

А вот США и Украина нам не пример. Одни под нас копают, вмешиваются в наши дела, другие устраивают «майданы» и вообще находятся в состоянии гибридной войны с Россией. Америка по-прежнему воспринимается россиянами как супердержава, однако отношение к ней надолго испорчено текущей конфронтацией. Украину российская пропаганда много лет представляла как *failed state* («провалившееся государство»), в результате украинский путь поддерживает лишь 1% опрошенных. Пример этой страны важен лишь для тех немногих политически активных и оппозиционно настроенных россиян, которые видели в Евромайдане модель для будущих демократических изменений в нашей стране. Для большинства населения украинские трансформации стали символом политического хаоса, экономического упадка

и зависимости внешнеполитического курса страны от Америки (впрочем, после избрания Владимира Зеленского президентом Украины респонденты на фокус-группах время от времени стали говорить об этой стране как о примере мирной смены непопулярной власти).

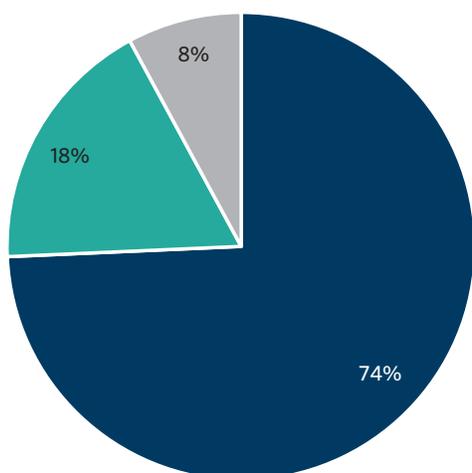
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ХАРАКТЕР ВЛАСТИ

Большая часть респондентов по-прежнему, если сравнивать с данными других исследований¹⁵, настроена патерналистски. Особенно активно, с показателями более 80%, за усиление госрегулирования выступают люди возрастной категории 55+ и малоимущие, а также жители малых городов (79%). Вполне очевидно, что эти люди видят в государстве единственную надежду на выход из тяжелой социальной ситуации. Пусть оно плохое и неэффективное, но служит для них источником денег.

В наименьшей степени патерналистски настроены самые молодые, материально обеспеченные, предприниматели. За госрегулирование, на первый взгляд, парадоксальным образом активно выступают москвичи. Однако в Москве, с учетом веры в модернизационный авторитаризм мэрии, это не выглядит парадоксом.

В целом же население страны проявляет то, что мы назвали в одной из предыдущих работ «прагматическим патернализмом»¹⁶: если с государства можно что-нибудь взять — пусть дает. А свободолюбивые граждане ждут от государства-регулятора более дружественной для проявления частной инициативы среды. Если такие возможности не предоставляются, приходится действовать прагматически в соответствии с существующими обстоятельствами. Например, работать по найму, а не основывать собственное дело.

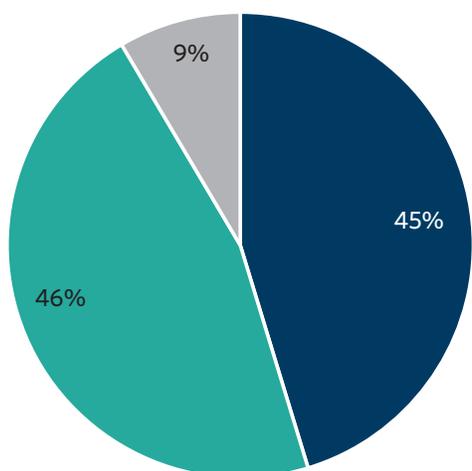
В среднем по стране две модели (власть сосредоточена в одних руках или распределена между разными институтами) имеют равное число сторонников.

Что было бы лучше?

- Чтобы государство активно вмешивалось в экономику, регулировало цены
- Чтобы государство не вмешивалось в экономику, пусть рынок сам все отрегулирует
- Затрудняюсь ответить

Рис. 9. Представления населения о роли государства в экономике ¹⁷

Что было бы лучше?

- Вся власть в стране сосредоточена в одних руках
- Власть в стране распределена между разными структурами, контролирующими друг друга
- Затрудняюсь ответить

Рис. 10. Представления населения о распределении власти ¹⁸

Молодые, причем в двух категориях (18–24 и 25–39 лет), обеспеченные, предприниматели, москвичи поддерживают демократические методы управления страной. Бедные; люди в возрасте 55+; жители городов среднего размера; пенсионеры; люди, не пользующиеся Интернетом, — выступают за авторитарное персоналистское правление.

ЛИЧНЫЙ ВКЛАД В ПЕРЕМЕНЫ

Главное, к чему готовы наши респонденты ради изменений в будущем, — это смена профессии и переобучение (в целом по выборке почти половина респондентов; в активном возрасте до 40 лет — почти 70%). А вот все, что связано с удорожанием жизни и потенциальной утратой привычной социальной «рамки»,

воспринимается гражданами гораздо менее охотно. Около четверти населения готовы к частичной оплате медицинских услуг и частичному отказу от социальных льгот (в активном возрасте — до трети). К расширению платности образования готовы лишь 17%; даже в самой обеспеченной группе на такие меры согласны только четверть респондентов. Практически никто не готов к повышению тарифов ЖКХ ради улучшения качества услуг (9% по выборке в целом, значимые отличия по разным демографическим группам отсутствуют); так происходит, вероятно, потому, что в обществе распространено убеждение: цены растут, а качество останется на прежнем уровне.

Среди тех, кто меньше всего готов пойти на какие-либо жертвы ради улучшения качества жизни, ожидаемо лидируют россияне в возрасте 55+ и особенно 65+, а также наименее устроенные в повседневных обстоятельствах люди: малообеспеченные, с недостаточным образованием. Среди тех, кто не готов платить за улучшения из своего кармана, выделяется столица.

Похожую картину мы наблюдали и в исследовании 2017 года. И ее только отчасти можно объяснить

тем, что в Москве богатство и достаток соседствуют с относительной бедностью. Фокус-группы, проводимые в Левада-Центре, показывают, что даже среди молодых и активных москвичей многие имеют вкус к различным государственным льготам и пособиям. В крупнейшем экономическом центре страны, который открывает перед своими жителями все возможности для работы и заработка, совершенно не считается зазорным ждать милости от государства. И это лишь подтверждает наш тезис о «прагматическом патернализме» россиян, особенно москвичей.

Большинство респондентов не верят в то, что они могут повлиять на ход преобразований в стране. Согласно нашим данным, таких около 60%. Прежде всего это люди в возрасте, малообеспеченные, вынужденные в своей жизни надеяться на помощь государства как источник благополучия. В этих слоях доля людей, ощущающих свое бессилие, достигает рекордных 70%. По их мнению, основным действующим лицом в экономике и политике является все то же государство, которое распоряжается ресурсами и обладает необходимыми рычагами управления и распределения национального богатства. Отсюда же три чет-

Рис. 11. Готовность респондентов к изменениям ради улучшения качества жизни¹⁹

верти сторонников государственного вмешательства в экономику, на которое в первую очередь уповают люди с низким достатком. Большинство людей просто не понимают, как еще можно решить имеющиеся экономические проблемы, не вникают в принципы работы рыночной экономики. Надежда на государство исходит в какой-то мере от отчаяния и чувства собственного бессилия, в какой-то — от непонимания имеющихся альтернатив. Наше и другие исследования показывают, что у многих российских граждан отсутствует сама идея, что своими активными действиями — участием в выборах, благотворительности, волонтерской работе, протестных акциях — они могут что-то изменить к лучшему.

И все же почти 40% респондентов говорили о том, что они могут повлиять на ход преобразований хотя бы отчасти. Прежде всего это люди до 40 лет, благополучные, москвичи; в этих группах доля умеренных оптимистов достигает половины. Можно было бы отнести такие убеждения на счет необоснованного оптимизма и наивности самых молодых. Однако мы видим, что именно среди людей активного возраста, самых образованных и обеспеченных, больше людей с опытом различной гражданской активности. Если не считать участия в выборах, которое для значительного числа избирателей носит скорее ритуальный характер выражения доверия (недоверия) действующей власти, гражданская активность в первую очередь выражается в опыте объединения с другими людьми для совместного решения проблем.

В числе инструментов проявления гражданской позиции — подписание открытых писем и петиций, обращения с жалобами и запросами в различные инстанции. Люди видят в этой активности не столько возможность что-то серьезно изменить в стране,

сколько способ отстаивать свои права, делать хоть немного для улучшения повседневной жизни. Совокупный опыт коллективных и солидарных действий пока невелик, его имеют порядка трети населения. Но он постепенно накапливается.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что общество, не стремясь к революции, тем не менее готово к переменам, прежде всего социально-экономическим, но и управленческим и политическим, и хотело бы подтолкнуть к ним государство. При этом люди не согласны, чтобы перемены происходили за их счет. Да, государство в представлении россиян — все еще главный источник перераспределения национального богатства, но делать это оно должно, по их убеждениям, более эффективно. В позициях россиян много противоречий. Люди хотят радикальных перемен, но боятся социальной платы за них. И все-таки в их коллективных представлениях есть логика: если государство много берет на себя, оно должно и много отдавать.

Если стремление к политическим изменениям будет нарастать с такой же скоростью, как в последние два года, очень скоро может обнаружиться массовый спрос на политические свободы и политический выбор. И тогда властям, чтобы сохранить приемлемый для них уровень массовой поддержки, придется менять не только методы управления, делая их более современными и технократическими. Им придется также допустить и большую степень политических свобод. Сегодня государство к этому явно не готово, оно движется пока в сторону большего авторитаризма. И в этом кроется ключевое противоречие ближайших лет: власть будет отставать в своем развитии от общества.

ОБ АВТОРАХ

Денис Волков — аналитик, заместитель директора Левада-Центра. Автор работ о российском гражданском обществе, протестной активности, механизмах поддержки высоких рейтингов власти. Имеет степень магистра политической науки Московской высшей школы социальных и экономических исследований и Манчестерского университета.

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ru», член правления Фонда Егора Гайдара, член Комитета гражданских инициатив.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Изменения и перемены. Пресс-выпуск. — Левада-Центр. — 19 июня 2018 // <https://www.levada.ru/2018/06/19/izmeneniya-i-peremeny>.
- 2 Там же.
- 3 См.: Одобрение деятельности Владимира Путина. Индикаторы. — Левада-Центр // <https://www.levada.ru/indikatory>.
- 4 См.: *Колесников А., Волков Д.* «Дети» Путина: кто будет править Россией после 2024 года? — М.: Московский Центр Карнеги // <https://carnegie.ru/2019/10/03/ru-pub-79975>.
- 5 Ответы на вопрос: «Как вы считаете, нужны ли перемены в нашей стране?»
- 6 Ответы на вопрос: «С вашей точки зрения, что нужно изменить в нашей стране в первую очередь?» Вопрос открытый, ответы записывались интервьюерами со слов респондентов и впоследствии объединялись исследователями в укрупненные категории.
- 7 Ответы на вопрос: «Какие из следующих направлений государственной политики вы считаете приоритетными?»
- 8 См.: Тревожащие проблемы. Пресс-выпуск. — Левада-Центр. — 25 сентября 2019 // <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhashhie-problemy-2/>.

- 9 Ответы на вопрос: «Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?»
- 10 См.: *Волков Д.* «Надо плыть»: общественное мнение о пенсионной реформе. — Carnegie.ru — 19 июля 2018 // <https://carnegie.ru/commentary/76874>.
- 11 Ответы на вопрос: «По вашему мнению, перемены в нашей стране возможны в рамках существующей политической системы или только при условии серьезных изменений политической системы?»
- 12 Ответы на вопрос: «Как вы считаете, кто в России больше всего хочет / не хочет перемен?»
- 13 Ответы на вопрос: «Кто из современных российских политиков и общественных деятелей способен предложить план преобразований, который был бы близок именно вам?» Вопрос открытый, ответы записывались интервьюерами со слов респондентов и впоследствии объединялись исследователями в укрупненные категории.
- 14 Ответы на вопрос: «На опыт какой из следующих стран России следует опираться в ходе преобразований?»
- 15 См.: *Колесников А., Волков Д.* Новая русская мечта: частная собственность для детей. — М.: Московский Центр Карнеги, 2018 // <https://carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744>.
- 16 *Kolesnikov A., Volkov D.* Pragmatic Paternalism: The Russian Public and the Private Sector. — January 18, 2019 // <https://carnegie.ru/commentary/78155>.
- 17 Ответы на вопрос: «Что, по вашему мнению, было бы лучше: чтобы государство активно вмешивалось в экономику, перераспределяло ресурсы, регулировало цены на основные товары или чтобы государство не вмешивалось в экономику, пусть рынок сам все отрегулирует?»
- 18 Ответы на вопрос: «Как вы считаете, что было бы лучше: чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках или чтобы власть была распределена между разными структурами, контролирующими друг друга?»
- 19 Ответы на вопрос: «Готовы ли к... отмене части социальных льгот и т. д... ради улучшения качества жизни?»

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

© Фонд Карнеги за Международный Мир, 2019

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организации не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Carnegie Corporation of New York.